

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы*

Городские и частные бани плюс сопутствующие обстоятельства

Разумеется, частным лицам никто не запрещал устраивать домашние бани для нужд семьи. Однако private бани, становившиеся общественными заведениями, обретали другое качество, подлежали соответствующему налогообложению и контролю. В этом разделе станем говорить о первых городских и приметных частных общественных банях.

Обратимся к дошедшим до нас архивным материалам. 11 сентября 1798 года городское общественное самоуправление заключило годовой контракт с одесскими гражданами Янкелем Давидовичем и Маюркой Нотовичем на содержание городской бани, «называемой Еврейскою», на Северной балке. В счет этого соглашения сказанные граждане обязались платить 352 рубля в городской доход по равным частям – 117.33 – в три приема. Кроме того, каждый из них дополнительно вносил 50 рублей за исключительное право торговать на этой балке водкой. Разумеется, никто другой не имел права содержать здесь торговую баню (домашнюю, семейную – да) и реализовывать питания.¹

Необходимо пояснить, о какой балке идет речь, с каких пор эта первая городская баня действовала, кто был прежним откупщиком и т. п. Из имеющихся документов видно: содержание бани перешло к «двум евреям» от известного в ранней истории Одессы

---

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54, 55.

Руины архаичной «турецкой бани»
Рисунок К. Боссоли, 1838 г.

купца Ивана Ростовцова (Ростовцева). Сам купец содержал баню как минимум с 15 августа 1796 года, ибо в архивном деле фигурирует опись инвентаря, отданного «откупщику Ростовцеву до будущего года 15 августа 1797 года» при заключении предыдущего годового контракта. Тут скрупулезно обозначено всё, вплоть до числа балясин (то есть колосников) в печке. Число шаек, между прочим, показывает примерное количество «штатных мест» для «общественной помойки» – около сорока.²

Понятно, что городская баня не могла быть построена ранее устройства института общественного самоуправления, магистрата, и соответствующих его распоряжений и контрактов. Таким образом, «так называемая Еврейская баня» построена в 1796 году, наверняка тем же упомянутым Ростовцевым. Название, несомненно, связано с имеющейся там миквой, каковое предположение мы легко подтвердим чуть ниже. Что касается местоположения, здесь тоже нет затруднений. Как уже говорилось, в ту пору Одесса планомерно подразделялась на Военный (Южный) и Греческий (Северный) форштаты, граница меж которыми проходила по будущему Александровскому проспекту. Оная магистраль начиналась как раз от Северной (Александровской, Греческой) площади, в которую тогда врезалась одноименная балка, впоследствии именовавшаяся Военной – по той причине, что по ее бортам стояли офицерские флигеля, недостроенный морской госпиталь, военный госпиталь, «малая крепость» и т. п. Южной балкой, естественно, была Карантинная.

Получив контракт, Давидович и Ноткович в его счет произвели ремонт и обновили инвентарь, в том числе приобрели 40 новых шаек.³ А. Орлов, ссылаясь на документы из Московского

архива министерства юстиции, приводит перечень сумм, поступивших в городской доход за 1798 год, в числе которых 84 рубля 63 копейки «за еврейскую баню, состоящую в откупе»⁴. Меж тем «Одесское городское управление» синхронно провело торги на отдачу в подряд сооружение второй общественной бани – на Южной балке. Надо пояснить: бани ставили в устье балок по той простой причине, что там подходящие гидрогеологические условия, подземные водоносные горизонты здесь проходят на незначительной глубине. Поэтому почти все первые колодцы устраивались на балках и в приморской зоне – это отчетливо видно по архивным документам⁵ и на схеме 1807 года⁶.

1 ноября 1798 года магистрат заключил контракт с выигравшим торги харьковским купцом Григорием Афанасьевичем Автомоновым, также известным в начальный период истории города подрядчиком. Он обязался построить на отведенном месте каменную баню размерами десять на четыре сажени, высотой от цоколя в четыре аршина, два сарая, напротив бани устроить навес, сделать ограду высотой в три аршина из бутового камня. Для нас крайне любопытен пункт четыре данного контракта: «В бане иметь разделение на две части, то есть мужская и женская, кроме того, для евреев сделать можно входной колодец по их обыкновению, за что я имею получать от них особую плату от меня уже установленную»⁷. То есть тут прямо говорится об устройстве миквы, и теперь становится понятным, почему и первую общественную баню прозвали Еврейской.

Согласно контракту, Автомонов получал неоспоримое право содержать эту баню в течение пяти лет, причем за первый год

Руины архаичной «турецкой бани»
Рисунок К. Боссоли, 1838 г.

он ничего не должен был платить городу, а за следующие четыре – по 250 рублей, а всего 1.000. «За парение» с «рода нижнего звания» лиц полагалось взимать по 5 копеек, а «за теплую рохпу» – еще по 2 копейки. С благородных особ плата взималась по их желанию, но не менее официально установленной. То есть здесь первые одесситы могли не только мыться, париться, но за отдельную плату получать теплую морскую рапу. В соответствии с пунктом 11, в Одессе не должно было быть других общественных бань, «кроме Еврейской, коя должна иметь свое существование по особоченно»⁸. Мы видим, таким образом, что народное название *Еврейская баня* уже фактически узаконено.

По 12-му пункту Г.А. Автомонов на время контракта имел право содержать по всей той балке «шинки, получая вино внутри города», с платежом пошлины городу.⁹ Здесь надо уточнить одно обстоятельство. В литературе можно найти некоторые не вполне вразумительные для современного читателя сообщения о распределении дохода от винного откупа, и даже о его ликвидации в 1798 году.¹⁰ На самом деле откуп, конечно, никто не отменял, просто доход от него предоставили Одессе в качестве льготы. А город передал фискальные функции откупщику – херсонскому 1-й гильдии купцу и одновременно коллежскому асессору Ивану (Жану) Дофине¹¹, в питейной конторе которого и должны были непременно покупать пития «субподрядчики» типа Автомонова.

С 15 августа 1799 года Еврейская баня на Северной балке перешла к другим представителям еврейской общины. Первым лицом, подписавшим контракт по-русски, был руководитель (старшина) кагала купец Фроим Ушерович. Далее следуют автографы Бороха Хмовича (очевидно, Хаймовича) и Янкеля Гершковича – на иврите, дублированные писцом в русском переводе¹². Янкель Гершкович значится в реестре одесских мещан-евреев 1811 года, тогда в составе семьи было двое мужчин и три женщины.¹³

В договоре 1799 года имеются любопытные уточнения против предыдущего: содержатели штрафуются в случае превышения одноразовой «штатной вместимости» бани более чем на 10 человек, на первый раз – в 5 рублей, на второй – 6, на третий – 7 и так далее. Они по-прежнему занимаются реализацией питей: «На Северной балке по ее отлогостям от самого моря до верши-

ны или до большого казенного двухэтажного дома никто другой кроме нас не будет продавать горячее вино». Означенные лица также имеют привилегии и на торговлю другими напитками (имеется в виду пиво, полпиво, мед), «со времени вольной продажи», на своей территории. Могут они продавать и съестные припасы тоже, но по фиксированным рыночным ценам. Снова подчеркиваю: словосочетание «вольная продажа» не следует понимать слишком вольно. Это означает лишь то, что в реализацию алкоголя вовлечено больше лиц, однако все они строго обязаны производить закупки в питейной откупной конторе. Всего содрожатели платят городу, как и в прежнем случае, 352 рубля в год, по третям, причем безоговорочно в назначенные сроки.¹⁴

Здесь уместно обозначить границы, в которых Ушерович, Хаймович и Гершкович имели право торговать питиями. Это несложно сделать, ссылаясь на только что цитировавшийся документ. Нижняя граница – урез моря, в направлении города – бровка Одесского плато. Верхняя же граница – «большой казенный двухэтажный дом». О каком объекте здесь идет речь? В ту пору двухэтажные дома в Одессе известны наперечет – майора Поджио, поручика Прокопеуса, майора Феликса де Рибаса, майора Буги. Что до двухэтажного казенного дома, таковой вообще был только один – так называемый «дом главного начальника», то есть изначально Иосифа де Рибаса, впоследствии перестроенный и отданный коммерческой гимназии, а затем перешедший Благородному институту (лицею) и вновь достроенный.

У дилетантов может возникнуть вопрос, при чем тут верховья Северной балки. А дело в том, что балка тянулась до самой Греческой улицы, пересекала будущую Дерibasовскую, вреzаясь в Северную (Александровскую, Греческую) площадь. Поэтому позже, в 1810-1811 годах, по подрядам построили два деревянных моста – через Дерibasовскую и Ланжероновскую улицы, а затем и Сабанеев мост, непосредственно через Военную балку. Первичный ландшафт и приноворожденные к оному строения отлично видны на генеральном плане Одессы 1803 года и его оригинальном варианте 1802-го.¹⁵ Первое частное здание (принадлежало полковнику, а затем генерал-майору Э.Г. Попандопуло) со стороны балки перед «домом главного начальника» стали строить как раз после

составления этого плана. Таким образом, будущий лицейский дом и в самом деле маркировал верхнюю границу территории, отданной под торговлю арендаторам Еврейской бани. То есть они могли торговать спиртным от моря до самой Дерибасовской, но только в пределах «корыта» балки.

С первой декады июля 1801 года представители еврейского общества содержали торговлю питиями и в двух других ареалах, окаймляющих Одесское плато. Первый – «начиная от шинку одесского купца Григория Сулова и здешнего карантина, низом, по над морем, за отделивающуюся от города гавань, и дале за одесскую большую крепость, и как тот равно и одесского купца же Ивана Ростовцова шинки в откуп наш не подходят» (орфография и лексика оригинала). Это означает, что в откуп входила приморская территория от Карантинной балки, низом, до самого мыса Ланжерон. Помимо горячего вина и водок, закупаемых в питейной конторе, дозволялась реализация пива, меда, ренского (то есть рейнского) вина, приобретаемого только у одесских жителей. Горячее вино надлежало продавать квартами (размерность, формально близкая к литру, однако в данном случае – $1/10$ ведра, то есть штоф) и ведрами (12 литров 300 граммов) по 4 рубля ведро, тогда как закупочная цена составляла 3.50. При мелочной продаже, скажем, чарками ($1/100$ ведра), содержатели могли назначать любые отпускные цены – по возможностям потребителей. Под контрактом – две подписи на иврите.¹⁶

Второй ареал – «от овидиопольской дороги низом балкою, на которой колодцы и пудренный завод учреждены, даже до пересыпа». То есть от того места, где дорога на Овидиополь пересекает Водяную балку, низом по балке, вплоть до начала нынешней Приморской улицы. При этом содержатель имел право получать указанную разницу – 50 копеек за ведро – со всех владельцев уже существующих на балке и пересыпе шинков, в частности, при соляном магазине и Херсонской таможне. Кроме того, он получал отчисления от тех заводчиков на балке, которые производили пиво не для себя, а на продажу.¹⁷

Но вернемся к баням. Первая, так сказать, специализированная общественная баня была устроена в 1808 году при Городовом госпитале (больнице) купцом-подрядчиком Кириллом Антоно-

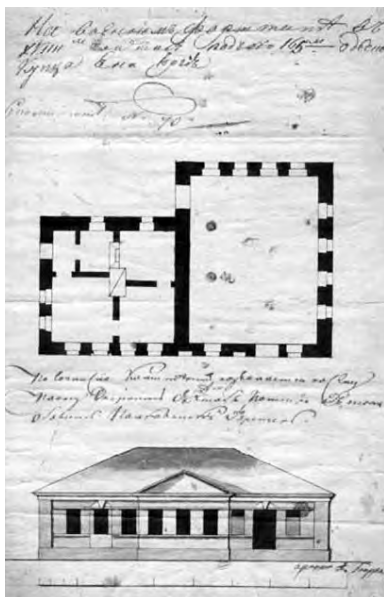
вым. Торги проходили в ОСК 24 и 26 апреля, и в них принимали участие многие известные фигуранты ранней истории Одессы: подрядчик Монако, шляхтич Косовский, солидные еврейские предприниматели Аарон Полнер и Лейба Варшавский, другие. Подряд включал постройку не только бани, но и ограды больницы. Смета составляла 7.673 рубля 95 копеек, но в результате торгов снижена Антоновым до 6.438 руб.¹⁸

В кондициях от 7 мая 1808 года конкретно сказано: «Дом для бани длиною с наружной стороны от улицы шесть сажен и один аршин, а внутри двора пять сажен, и шириною пять, вышина же – как по плану значится, а фундамент сделать такой, как под стеною (оградительной. – О. Г.). Внутри одного сделать полы дощатые, из соснового леса, сухого и прочного (...). Внутри одного дома сделать двое дверей столярных, окон трое со всем прибором, то есть стеклами, задвижками и прочим. Равно двери с приборами, как то замками, задвижками и прочим (...). И в ней сделать каменку, четыре полки из чистых досок по эскизам архитектора (...). Противу входа в баню сделать галерею на четырех колоннах (...)».¹⁹

Информации вполне довольно, чтобы иметь наглядное представление об этом сооружении, каковое было окончено в первых числах октября. Исполнение контролировали и завершённую работу принимали инженер-полковник Ферстер и архитектор Фраполли.²⁰

Любопытны сюжеты, связанные с устройством и функционированием в Одессе бань восточного типа, «под куполами», так называемых *турецких*. Подобная баня (возможно, не одна) существовала еще задолго до чумной эпидемии 1812 года. Устраивали и содержали их преимущественно выходцы из Румелии, то есть европейских владений Оттоманской Порты, – греки и южные славяне либо стамбульские выходцы – греки. Упоминание о подобном заведении, под названием Греческой бани, встречается, скажем, в архивных документах, связанных с мощением улиц и тротуаров.

20 июня 1812-го курировавший работы адъютант де Ришелье, граф Рошешуар, докладывает в ОСК о том, что подрядчик, купец Иван Еройский, отделал «квадрат против Греческой бани в XIX квартале» площадью в 91 квадратную сажень.²¹ По информации,

Фр. Фраполли. План и фасад дома одесского купца Ени, 1822 г.

помещенной в «Одесском вестнике» в 1841 году²², видно, что сказанная баня именовалась и «турецкой», а в 19-м квартале размещалась на углу Екатерининской и Полицейской (Бунина) улиц, на месте № 165²³, соответствующем пятому застройки нынешнего дома № 25 по улице Бунина. При первичной раздаче мест под застройку в августе-сентябре 1794 года это место получил титулярный советник Тарасов, а соседнее 166-е – надворный советник Тарасов²⁴, однако очень похоже, ни тот, ни другой не застроились. Сопоставление городских планов 1802-1803, 1807, 1814 годов и конца 1820-х свидетельствует о том, что не позднее 1802-го за-

строен лишь небольшой уголок места № 165, выходящий на обе улицы. Примерно такое же положение дел оставалось и в 1807-м, тогда как в 1814-м участок застроен по периметру, с широким въездом со стороны Полицейской, каковой позднее сузился в результате достроек²⁵.

Из контекста донесения Рошешуара ясно, что *Греческая баня* – устойчивое функциональное словосочетание, бытующее довольно продолжительное время. Газетное сообщение вообще относит ее устройство к последним годам существования татарско-турецкого Хаджибея. Это, конечно, не может соответствовать действительности, ибо, помимо всего прочего, на Одесском плато в ту пору не было потребных для функционирования бани колодцев. Старые турецкие и ранние одесские колодцы находились в балках, где водоносный слой лежал на незначительной глубине. Тем не менее есть все основания

говорить о том, что это была первая баня в нагорной части, и появилась она еще в конце XIX ст.

Несколько смежных мест в этом квартале действительно принадлежали грекам. В архивном деле из фонда ОСК находим конкретную информацию об их владельцах. Так, в документах за март-июнь 1814 года речь идет о доме купца Николая Сурво на месте № 166, в XIX квартале Военного форштата. При этом упоминается и находящийся справа от него дом нежинского грека Стерио Мачоли, с которым Мачоли разбираются кредиторы, два купца 1-й гильдии²⁶. Он и есть владелец интересующего нас места № 165, устроитель бани. В отличие от основанных немного позднее, она была однокупольной, то есть мужчины и женщины пользовались ею поочередно. Последующие турецкие (греческие) бани были уже двухкупольными – на два отделения.

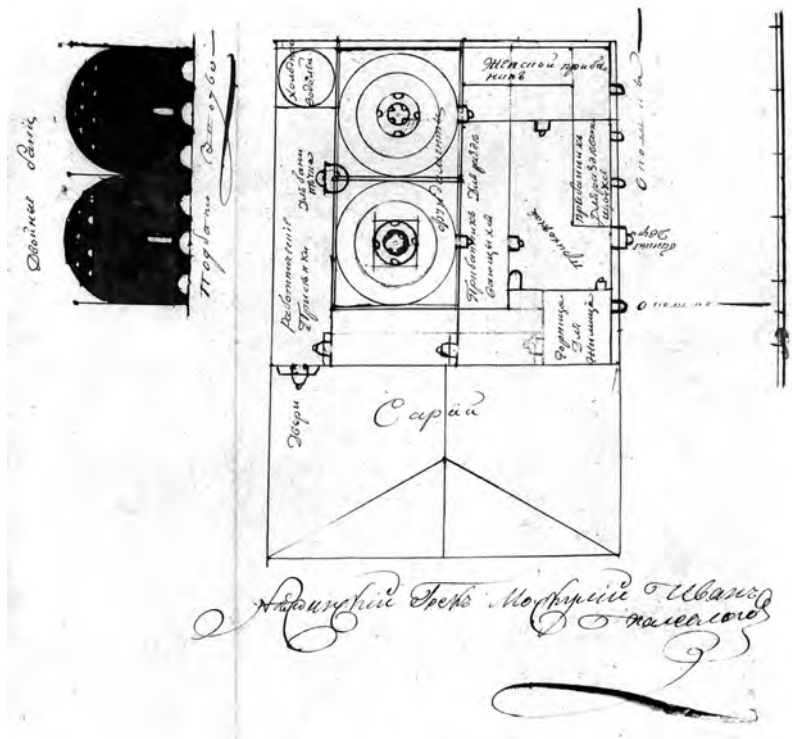
По счастью, о нем дошли кое-какие сведения – в метрических книгах греческой церкви Святой Троицы. Из них мы, в частности, узнаем о том, что нежинский грек Стерио Мачола (Стерий Мачолу) 10 мая 1816 года вступил в брак с Парасковией Станкевич, «вдовою милиционного солдата Дионисия Станкевича», а свидетелями были два одесских купца-грека²⁷. Сохранилась и запись о его кончине 30 марта 1821 года, в возрасте 45 лет, причем значится он уже одесским купцом.²⁸ Все это указывает на то, что «банщик» не только рассчитался с кредиторами, но и нашел средства для вступления в гильдию. Судя по всему, вскоре после кончины Мачоли его вдова продала дом купцу Иенни (Енни), о чем свидетельствует целый ряд обстоятельств.

В 1822 году «Йорги (Георгий?) Ени» застроил свободную на тот момент часть места № 165 стандартным одноэтажным жилым домом по проекту Джованни (Ивана) Фраполли.²⁹ В крепостной книге Одесского коммерческого суда того же года упоминается покупка другого дома, в трех кварталах от предыдущего, 2-й гильдии житомирским купцом Рудольфом Балтазаровым Иенни³⁰. В газетной публикации от 6 апреля 1832 года фигурирует дом с хозяйственными постройками житомирского купца Гавриила Енни на месте нынешней филармонии, оцененный в 27.500 рублей и приносящий 2.000 годового дохода.³¹ Очень похоже, речь идет об одном и том же лице, или, по крайней мере, о близкой родне.

Опять, по счастливому стечению обстоятельств, сохранилось как словесное описание этой архаичной бани, так и сделанные с натуры зарисовки. Описание появилось в связи с ее демонтажем, и сочувственное газетное сообщение дышит несколько ностальгически. Из него мы, в частности, узнаем массу любопытнейших деталей, касающихся непосредственно покойного Мачоли: «И теперь еще сохранился у меня в памяти образ одного грека, выходца стамбульского, хромавшего, как Омиров Гефест, и который исполнял свое дело со всеми тонкостями истинного банщика, – пишет автор заметки о «Хаджибейской бане». – Покрыв тело ваше легкой мыльной пеной, выжатою из волокон пальмового листа, он оставлял вас на несколько минут в таком положении под однозвучным говором падавших с потолка капель, а сам пускался в бесконечные рассказы о цареградских сплетниках, о любовных приключениях какой-нибудь ханым, корча старое лицо свое и стараясь передать все ужимки и движения героев своей повести».³² Что касается видеоряда, это впечатляющие рисунки небезызвестного Карло Боссоли 1838 года.³³

История Военной (Госпитальной) бани, располагавшейся на склоне нынешнего Приморского бульвара, близ Госпиталя (окрестности устроенной позднее усадьбы М.С. Воронцова), лаконично изложена мною в издании «Автографы Одессы».³⁴ Впрочем, нахожу необходимым сообщить читателю любопытные архивные ссылки по этой теме.³⁵

Еще одну общественную баню «восточного покроя», существовавшую, судя по всему, еще с конца XVIII столетия, устроил нежинский грек, дворянин Москули Палеолог – известный в ранней истории города персонаж. 17 мая 1818 года в Одесский комитет поступило следующее его прошение: «Во 2-й части города Одесса в XXX-м квартале под № 275 при доме моем на середине двора из давнего времени находится баня на греческий вид, которая совершенно уже обветшала и повредилась. Ныне же вознамерился я возобновить оную вновь на хороший вид по прилагаемому рисунку на манер константинопольских бань; вымостить мрамором с мраморными курнями. На каковое строение уже имею в изготовлении часть материала. Комитета всепокорнейше прошу о дозволении мне выстроить, сей бани учинить рассмотрение.

План бани нежинского грека М. Палеолога, 1818 г.

Сие прошение сочинил и переписывал сам проситель нежинский грек Москулий Палеолог. Мая 16 дня 1818-го года».³⁶

ОСК на первый случай постановил: «Сообщить в полицию: не будет ли какого препятствия к позволению устроить в городе баню».³⁷ То была вынужденная мера, поскольку, как мы убедимся ниже, содержатели бань нередко ужасно безобразничали. Но уже 9 июня из Городской полиции доложили, что препятствий к переустройству бани не находят: от соседей никаких жалоб никогда не поступало.³⁸ Приложенный ранее к архивному делу, на которое ссылаюсь, чертеж бани Палеолога был когда-то отобран для музея «Старая Одесса».³⁹ По счастью, он, в отличие

от целого ряда других вырванных тогда из контекста документов, сохранился – обнаружил его в фондах Одесского историко-краеведческого музея. Невероятно информативный и симпатичный графический лист.⁴⁰ Все говорит о том, что план составлен самим Палеологом: его подпись, пояснительные надписи и проч. Так, он детально помечает назначение каждого из банных помещений: предбанники – отдельно для женщин и мужчин, горницу для банщика, две отдельные комнаты под куполами с вытяжкой («двойные бани»), «холодный водолей» (может использоваться в качестве душевой), «рабочие пристенки», сарай и проч. Как видим, довольно продвинутое по тем временам заведение.

Что может означать ремарка о функционировании бани «из давнего времени»? Судя по всему, то, что она была одной из первых, возможно, первой на Одесском плато, то есть в нагорной части города. XXX квартал (я называю его Армянским – по причине концентрации здесь уже в 1820-х представителей армянской общины) ограничен улицами Екатерининской, Базарной, Ришельевской и Большой Арнаутской. Он находился в весьма оживленном районе главного городского торжища, близ Старого базара (Вольного рынка), специализированных торговых рядов, греческой Свято-Троицкой церкви. Место № 275 занимало срединное положение в квартале, по четной стороне Б. Арнаутской – ныне двор дома № 44. Два строения в этом дворе обозначены на генеральном плане Одессы 1802-1803 годов⁴¹ и, очень похоже, возведены ранее.

Синхронно с баней Палеолога в историческом центре функционировала и другая – одесского купца Грачева. 7 июля 1817 года из городской полиции в Строительный комитет пишут: «Во дворе одесского купца Грачева, во 2-й части состоящем, выстроена общественная баня, которой вид (то есть фасад) на улицу так называемую Преображенскую. Из сей бани произведен исток воды в канаву также на улицу, но отсель уже никуда не протекая, застаивается в одном месте, по времени загнивая, производит нестерпимый смрад. Полиция обязываясь за соблюдением в городе чистоты и опрятности, что положение бани купца Грачева есть в неприличном ей месте, а потому и подлежит запрещению...».⁴² 3 августа в полицию из Комитета отправлено распоряжение:

не только уничтожить это заведение за нечистоту, но запретить Грачеву вообще содержать баню в городе.⁴³

Где именно находилась эта баня? Мне оказалось по силам локализовать ее местоположение. 9 сентября 1815 года супруга одесского мещанина Калашникова сообщила в Строительный комитет о том, что желает построить плановый дом взамен принадлежащего ей капитального флигеля в I квартале Греческого форштата, место № 1. Место занято ею еще до бытности присутственных мест, «с самого начала заведения города». При этом Калашникова ссылается на свидетельские показания соседей, одесских купцов Егора Злобина, Афанасия Янковского, Афанасия Соколова, Александра Грачева, Петра Карлина, Ивана Соколова.⁴⁴ Квартал этот ныне находится в пределах улиц Успенской, Преображенской, Троицкой и Александровского проспекта.⁴⁵ Всего в квартале 12 мест, а владельцев – шесть, надо полагать, каждый владел двумя. Место Грачева находилось в середине квартала по четной стороне нынешней Успенской, в пятне застройки домом № 62. В то же время мы знаем, что место Грачева выходило фасадом на Преображенскую, то есть баня стояла на месте домов № 64 или 66. Сличение имеющихся картографических материалов свидетельствует скорее в пользу первого, ибо на втором находились явно более солидные постройки.

Сюжет этот имеет довольно неожиданное продолжение. 1 декабря 1819 года жена купца Грачева обратилась в Городскую полицию с челобитной, отчаянно моля о дозволении «топить баню». Жалуется на крайне бедственное положение: ее супруг лишился ума. Прибавляет, что в соседстве не запрещено топить баню.⁴⁶ Можно лишь строить допущения, не связана ли болезнь Грачева с лишением заработка, и позволено ли было снова запустить общественную баню. Полагаю, вряд ли. Что касается до топки бани по соседству, это вовсе не означает соседства по кварталу: скажем, заведение Палеолога находилось достаточно близко.

Немного ранее, 6 апреля 1817 года, в ОСК поступило прошение одесских купцов Петра и Стояна Роси (сильно подозреваю, что это небезызвестные Русовы): «Мы намереваемся в собственном нашем доме не в отдаль Греческой церкви построить в дворе баню на манер бань, именуемых турецкими, под двумя куполами,

с разделением мужской от женской, на какое строение полагаем выписать из Константинополя потребные материалы и надобное количество мраморного камня, а для наполнения бань водой – черепичных труб, для стоку же из бань нечистой воды вырыть яму и сделать проход оной в приличном месте, словом, баню мы намерены выстроить такую, какой в Одессе ныне не имеется, только ожидаем от Комитета на сие разрешения, позволено ли будет нам таковую баню выстроить. Вместо неграмотных просителей купцов Петра и Стояна Росси подписался Иван Ермаков. Апреля 5 дня 1817 года».⁴⁷ Едва ли купцы-югославыне были неграмотны, скорее не владели русским.

12 апреля Комитет обратился в полицию с предложением дать свое заключение по бане: не будет ли чрез то нечистоты и безобразия улице, опасности пожара, неблагопристойности.⁴⁸ Ответ пришел 5 мая. Полицейские чиновники нашли следующие препятствия: 1) «для стока из бани нечистоты с дурным запахом нет приличного места, разве в обшие по городу канавы», если же в особую яму, то и от таковой пойдет смрад, особенно в теплое время; 2) «в смежности сказанного места выстроены дома с значительных капиталов, да тут же вблизи состоят и гостинные ряды, то и сим настоят опасность от пожара». Заключение подписал известный своей добросовестностью полицмейстер Степан Достанич⁴⁹.

Из других архивных бумаг видно, что Роси приобрели под застройку четыре места, № 307, 308, 313 и 314, в XXXIV квартале Военного форштата.⁵⁰ Ныне это пятно застройки будущей гимназии Иглицкого (СШ № 92, затем № 68) и соседних домов по Успенской, № 54, 56, 58. Таким образом, совершенно очевидно, что эта предполагаемая баня, как и заведения Палеолога и Грачева, тяготеет к Старому базару.

В заключение нахожу нелишним обратить внимание заинтересованных исследователей на ряд любопытных архивных и других источников, связанных с существовавшими и проектируемыми позднее общественными банями: командира арестантской роты Драгутина⁵¹, строительного подрядчика Якова Росси⁵², престарелого артиста итальянской оперы Бартолуччи⁵³, почетного гражданина Потапова⁵⁴, карантинного боцмана Мокки⁵⁵.

По бане Драгутина на Водяной балке сохранился план, составленный известным зодчим Гаэтано Даллакка в 1841 году.⁵⁶

Примечания

- ¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 1-2.
- ² Там же, л. 3 – 3 об.
- ³ Там же, л. 4.
- ⁴ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 64.
- ⁵ Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. – Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах (сб.). – Кн. 45. – Одесса: «ПЛАСКЕ» АО, 2011, с. 6-14.
- ⁶ Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инвентарный № К-602.
- ⁷ ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 5.
- ⁸ Там же, л. 5 об. – 6.
- ⁹ Там же, л. 10.
- ¹⁰ К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 102.
- ¹¹ О Дофине нет специальных публикаций; я собрал относящуюся к нему довольно любопытную информацию: здесь она не к месту, но, надеюсь, станет темой отдельной публикации или же будет включена в более подходящий контекст.
- ¹² ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 14 об.
- ¹³ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 5.
- ¹⁴ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 14.
- ¹⁵ ОГИКМ, инвентарный № К-600.
- ¹⁶ ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 73.
- ¹⁷ Там же, л. 74.
- ¹⁸ Там же, ф. 59, оп. 2, д. 21, л. 2, 2 об., 3, 4, 6, 14.
- ¹⁹ Там же, л. 7, 10.
- ²⁰ Там же, л. 24, 33.
- ²¹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 95.
- ²² Одесский вестник. 1841, 15 февраля, № 14; Олег Губарь. 100 вопросов «за Одессу». – Одесса: Киноцентр, 1994, с. 42-43.
- ²³ ОГИКМ, инвентарный № К-605.
- ²⁴ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса. 1853, с. 592.

- 25 ОГИКМ, инвентарные № К-600, К-602, К-605. Plan de la ville d'Odessa. 1814.
- 26 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 171-175.
- 27 Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. II. – 2000, с. 172-173, 266-267.
- 28 Там же, с. 172-173.
- 29 ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 312; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 264.
- 30 Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 65-66.
- 31 Одесский вестник. 1832, 6 апреля, № 28.
- 32 Там же, 1841, 15 февраля, № 14.
- 33 ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 29, 30.
- 34 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 225, 248.
- 35 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 477, 478, 480, 482.
- 36 Там же, л. 227.
- 37 Там же.
- 38 Там же, л. 225.
- 39 Там же, л. 228.
- 40 ОГИКМ, инвентарный № К-331.
- 41 Там же, инвентарный № К-600.
- 42 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 114, л. 295.
- 43 Там же, л. 293.
- 44 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 269, л. 261-262.
- 45 ОГИКМ, инвентарный № К-605.
- 46 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 664.
- 47 Там же, д. 114, л. 184.
- 48 Там же, л. 185.
- 49 Там же, л. 186.
- 50 Там же, л. 423, 426, 428, 430, 434-436.
- 51 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 2538 – 13 л.
- 52 Там же, оп. 2, д. 1064 – 24 л.
- 53 Там же, оп. 1, д. 3013 – 143 л.
- 54 Там же, оп. 2, д. 1516 – 4 л.
- 55 Там же, оп. 1, д. 3381 – 9+1 л.
- 56 ОГИКМ, инвентарный № К-195.

